

Дата поступления рукописи в редакцию: 18.06.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-7-248-253

Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026 г.

ТАРАБОРИН Роман Сергеевич,

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Уральского института управления – филиала РАНХиГС, e-mail: z-nit@yandex.ru

БУРКОВА Ксения Назаровна,

старший инспектор Управления архивами Свердловской области,

e-mail: z-nit@yandex.ru

ФОРМИРОВАНИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ СЕГМЕНТОВ ПАРТИКУЛЯРНОГО ПРАВА В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ XVIII ВЕКА

Аннотация. В представленной статье рассматривается государственно-правовая эволюция России в первой четверти XVIII века, когда Российское государство трансформировалось из Московского царства в Российскую империю. Основное внимание уделяется реформам Петра I, которые были направлены на модернизацию государства и создание имперской структуры.

Авторы анализируют провозглашение Российской империи в 1721 году как результат победы в Северной войне, которая не только изменила геополитическое положение России, но и потребовала создания новой военно-экономической базы и модернизации социально-экономической системы, а также соответствующих новелл в ее правовой системе.

Особое внимание уделяется территориальным приобретениям России, в частности, Лифляндии и Эстляндии, полученным по итогам Северной войны. Эти территории, с их развитой правовой системой и традициями, стали испытанием для российской имперской политики.

В исследовании выявлены особенности правовой системы присоединённых земель, где сосуществовали земское и городское право, основанные на германских и шведских традициях. Также рассматривается подход имперского центра к управлению новыми территориями через сохранение местных элит и адаптацию правовых норм.

В настоящем исследовании подчёркивается, что успешное строительство империи в России было возможно только при условии глубокой модернизации, которая позволила не только расширить территории, но и создать прочную основу для дальнейшего развития государства, в том числе ее правовой системы.

Резюмируется, что, будучи административно включены в общую государственную систему, Рижская и Ревельская губернии сохраняли внутреннее устройство и законодательство, унаследованные от их дороссийского прошлого, кардинально отличаясь в этом отношении от других российских губерний. Такое положение оставалось неизменным вплоть до губернской и городской реформ Екатерины II.

Ключевые слова: Российская империя, унификация, сословия, жалованная грамота, законодательные акты, Ништадский мир, автономия.

TARABORIN Roman Sergeevich,

doctor of Law, Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law at the Ural Institute of Management – a branch of RANEP

BURKOVA Ksenia Nazarovna,

senior inspector of the Archives Department of the Sverdlovsk Region

FORMATION AND EVOLUTION OF SEGMENTS OF PARTICULAR LAW IN THE RUSSIAN EMPIRE OF THE 18TH CENTURY

Annotation. The legal evolution of Russia in the first quarter of the 18th century, when the Russian state was transformed from the Tsardom of Muscovy into the Russian Empire, focuses on the reforms of Peter the Great, which were aimed at modernizing the state and creating an imperial

structure.

The authors analyze the proclamation of the Russian Empire in 1721 as a result of victory in the Northern War, which not only changed Russia's geopolitical position but also necessitated the creation of a new military-economic base and the modernization of its socio-economic system, as well as corresponding amendments to its legal system.

Particular attention is paid to Russia's territorial acquisitions, particularly Livonia and Estonia, obtained as a result of the Northern War. These territories, with their developed legal systems and traditions, became a test for Russian imperial policy.

The study identifies the peculiarities of the legal systems of the annexed lands, where zemstvo and city laws, based on German and Swedish traditions, coexisted. The imperial center's approach to governing new territories through the preservation of local elites and the adaptation of legal norms is also examined.

This study emphasizes that the successful construction of an empire in Russia was only possible through profound modernization, which not only allowed for territorial expansion but also created a solid foundation for the further development of the state, including its legal system.

It is concluded that, while administratively integrated into the general state system, the Riga and Revel provinces retained the internal structure and legislation inherited from their pre-Russian past, differing radically in this regard from other Russian provinces. This situation remained unchanged until the provincial and municipal reforms of Catherine II.

Key words: *Russian Empire, unification, estates, charter, legislative acts, Treaty of Nystad, autonomy.*

Государственно-правовая эволюция Российского государства в первой четверти XVIII века затронуло все аспекты его деятельности, в том числе и его правовой системы. Формальное провозглашение нового – имперского – состояния российской государственности состоялось в «Акте поднесения Государю Царю Петру I титула Императора Всероссийского и наименования: Великого и Отца Отечества» (22 октября 1721 г.) [1, С. 444-446].

В данном акте «императорским» являлось, в сущности, только новое титулование московского царя, возводившее его на уровень европейских правителей: «Это был, собственно говоря, акт переименования, который органически вписывался в общую тенденцию петровских реформ, так или иначе – буквально или метафорически – сводившихся к переодеванию России в европейское платье» [2, С. 459].

Но титулование опиралось на мощное материальное основание, относившееся ко всей Российской державе, – победу, одержанную в Северной войне над Швецией, одной из ведущих держав «европейского концерта» начала XVIII в.

Важнейшим геополитическим следствием этой победы, получившим многочисленные подтверждения на протяжении всего XVIII в., явилось изменение соотношения сил на европейском континенте: Россия «стала одной из великих европейских и мировых держав, и теперь уже ни один сколько-нибудь важный вопрос международной политики не мог решаться без ее участия» [3, С. 48]. Именно поэтому торжественный акт 22 октября 1721 г., в конечном итоге явился не

только символической, но и реальной фиксацией появления Российской империи.

В масштабах позднего средневековья и нововременив процессах империестроительства не было ничего исключительного: Россия двигалась в том же направлении, что Испания, Англия, Франция, Голландия в Европе или Османская империя в Азии. Это был объективный исторический процесс, в значительной мере предопределенный природно-географическими условиями. Страны, расположенные по западным и восточным окраинам европейского континента, отмечают историки, объективно имели больше возможностей для территориальной экспансии и создания империй, чем страны, зажатые в его центре [4, С. 173].

Но в отличие от империй, создававшихся Англией, Францией, Голландией на основе первых успехов, достигнутых на пути модернизации, российское империестроительство не только хронологически совпадало с модернизацией, но в значительной мере, а в определенные моменты и в решающей степени, определяло ее ход.

Территориальные приобретения Московского государства, закладывавшие предпосылки будущей империи, долгое время вполне успешно осуществлялись на социально-экономической базе аграрного общества и не порождали потребности в его модернизации. Но западное направление территориальной экспансии московских царей вело к столкновению с великими европейскими державами, создавшими Вестфальскую систему международных отношений, оставившую Московское царство за

пределами Европы.

Неудачное начало Северной войны наглядно продемонстрировало недостаточность традиционной московской ресурсной базы, прежде всего военно-экономической, как для продвижения на запад, так и для самосохранения существующей государственности в уже достигнутых пределах.

Преобразования, предпринятые Петром I после «Нарвской конфузии» внутри страны, своей главной целью имели обеспечение победы в войне с Швецией, обладавшей передовыми для этого времени сухопутной армией и флотом. Но для победы была необходима новая военно-экономическая база, ключевым элементом которой являлась мануфактурная промышленность (металлургическая и текстильная в первую очередь).

Внедрение же этой промышленности в традиционную социально-экономическую структуру московского аграрного общества запускало весь каузальный «механизм» раннеиндустриальной модернизации: расширение сферы рыночных отношений, использование в государственных интересах потенциала частной инициативы и предприимчивости, реорганизация на рациональных принципах системы государственного управления, внедрение светской культуры европейских образцов и т. д.

Таким образом, империестроительство и модернизация в условиях России оказались в теснейшей взаимосвязи: без модернизации внутри страны невозможно было создать полноценную империю и обеспечить ее дальнейшее развитие в противостоянии с другими великими державами, раньше России вступившими на модернизационный путь развития.

Новые территории (имперская периферия) рассматривались центром главным образом с точки зрения их ресурсной базы (материальной и людской) и военно-стратегического положения. Они должны были являться защитой основной государственной территории от внешних противников и одновременно плацдармом для дальнейшего расширения имперской территории. Для выполнения ими этих функций необходимо было обеспечить политическую лояльность новых подданных российского императора, что, как и прежде, требовало главным образом достижения взаимоприемлемого компромисса и сотрудничества с местными элитами.

В исследованиях империй отмечается, что «сохранение, наряду с собственно имперскими институтами господства, традиционных элит позволяет сконцентрировать процессы унификации в ключевых с политической и военно-стратегической точки зрения зонах, снизить в

этих зонах уровень культурной и ментальной гетерогенности до приемлемого уровня (речь идет в первую очередь о культуре политической) и сохранить в неприкосновенности традиционные стереотипы социального действия в тех сегментах, вторжение в которые не обязательно с точки зрения поддержания имперской стабильности, но чревато жестко негативной реакцией» [5, С. 54-55].

Эта общая позиция имперского центра, естественно, не могла не варьироваться в зависимости от конкретной новой территории, приоритетных задач, решаемых центром в данный момент времени, и сочетания различных ситуативных обстоятельств. Все это в той или иной мере оказывало прямое и косвенное воздействие на решение вновь и вновь возникавшей перед российскими правителями правовой дилеммы: унификация или партикуляризм.

Результатом разных решений стало появление разных новых сегментов партикулярного права.

Первыми территориальными приобретениями, четко обозначившими имперскую направленность начатых Петром I государственных преобразований, явились Лифляндия и Эстляндия.

Согласно условиям Ништадтского мира, заключенного по итогам Северной войны (30 августа 1721 г.), Швеция в «совершенное, непрекословное и вечное владение и собственность» уступала России «Лифляндию, Эстляндию, Ингерманландию и часть Карелии с дистриктом Выборгского лена» [6, С. 423].

Военно-стратегическую важность этого приобретения трудно переоценить. Таким образом решалась острейшая геополитическая проблема, изначально вставшая перед Московским царством, – получение выхода через Балтийское море на мировые морские коммуникации. Поэтому чрезвычайно важно было закрепиться на этой территории, где пришлось столкнуться с несколько иной ситуацией, чем та, в которой оказывались московские самодержцы в своих территориальных приобретениях.

Прибалтийские земли столетиями находились под властью и влиянием различных европейских военно-политических и государственных образований, что предопределило доминирование в них европейских по своим источникам политико-правовых, социальных и религиозно-культурных традиций. Со второй четверти XIII в. и до 1561 г. они обычно назывались Ливонией и были ареной борьбы католических епископств, рыцарских орденов и соседних государств – Швеции и Польши, периодически подчинявших отдельные

их части. К началу Северной войны две основных части Ливонии – Лифляндия и Эстляндия находились под властью Швеции (Лифляндия с 1629 г., Эстляндия с 1561 г.).

В этническом отношении коренное население Лифляндии и Эстляндии составляли латыши и эсты, в социальном отношении преимущественно образовывавшие крестьянское население, находившееся в феодальной зависимости от землевладельцев (рыцарства, эволюционировавшего в дворянско-земское сословие) в подавляющем большинстве немецкого происхождения. Немецким по этническому происхождению в основном было и городское население, особенно его верхний торгово-промышленный слой. В религиозном отношении большинство населения первоначально приняло католицизм, но в ходе европейской реформации в основном перешло в протестантизм евангелической веры.

Право, действовавшее в Лифляндии и Эстляндии, отличалось крайним – в сравнении с территориальными приобретениями московского времени – разнообразием. Дворянство или земство и городское население образовывали два обособленных сословия, каждое из которых пользовалось своими особыми правами и законами. По сути, здесь оформились два вида местного права: земское и городское, причем первое в значительной мере распространялось и на крестьянское сословие (его свободную часть), а городское право различалось по разным частям и городам Лифляндии и Эстляндии. В основном земское и городское право основывались на германском общем праве с элементами римского и канонического права, а в период нахождения Лифляндии под властью Швеции испытали влияние шведского права. Основными источниками местного права являлись сборники законов и обычаев, относившиеся к определенной области или сословию, в том числе и сборники крестьянского права, а также статуты городов и постановления городских магистратов (сборники рижского права в городах Лифляндии и любекского права в городах Эстляндии) [7, С. 23-26].

Как отмечал А. Э. Нольде, «переменчивая политическая судьба провинций отражалась резче всего, конечно, на публичном праве в виду необходимости согласовывать административный строй и привилегии корпораций с правами господствующего государства». Но такие перемены затронули и гражданское право, так как из-за «отсутствия автономного местного законодательства не могли получить последовательной разработки остатки национального права и посторонние законодательные вмешательства не приводились

в соответствие с существовавшим уже правом. Вследствие этого балтийское гражданское право должно было совершенствоваться в условиях более неблагоприятных, чем право многих территорий «партикулярного» права» [8, С. 21].

Шведские войска были изгнаны из Лифляндии и Эстляндии к 1710 г., но Северная война продолжалась. Поэтому первыми же актами российская власть показала готовность пойти на компромисс, если «рыцарство и земство» признают себя подданными московского царя и изъявят готовность служить ему. Предварительные условия компромисса были оговорены в «аккордных пунктах» между шляхетством и земством княжества Лифляндского и генерал-фельдмаршалом Шереметевым (4 июля 1710 г.) и «договорных пунктах» между шляхетством и земством герцогства Эстляндского и генерал-поручиком Боуером (29 сентября 1710 г.) [9, С. 567-575].

Законодательное закрепление предварительные договоренности получили в актах Петра I.

16 августа 1710 г. последовал «Универсал, данный Эстляндскому княжеству и в особенности городу Ревелю». В нем, адресуясь к «благородному шляхетству и земству», заявлялось, что «коль скоро, Волею Божией, сия земля совершенно власти Нашей покорена будет, Мы не токмо намерены оставить без всякого нововведения во всей земле и городах поныне исповедуемую евангельскую религию, все их древние привилегии, вольности, права и преимущества ... и по точному их смыслу и понятию свято хранить и содержать, но и обещаем при случае умножить оные еще обширнейшими и важнейшими».

1 марта 1712 г. Универсал был дополнен Жалованной грамотой шляхетству и земству Эстляндского княжества, содержавшей подтверждение и укрепление «древних их привилегий, прав, суда, правости, рецессов, Статутов и хвальных земских обыкностей, которые они от своих начальств получали».

В Жалованной грамоте дворянству Княжества Лифляндского (30 сентября 1710 г.) содержалось подтверждение московским царем прежних законов, «особливо данной от польского короля Сигизмунда Августа в Вильне 1561 года привилегии касательно шляхетных их прав, статутов, вольностей, достоинств и законных их маетностей, как во владении у них находящихся, так и тех, кои быв наследственными, не по праву у них отняты». Но при этом указывалось, что «рыцарство и земство» княжества и их потомки должны «присяжную подданническую верность усердными добрыми услугами и по требованию времени и кровию и животом своим утвердить».

Этим же числом была датирована и Жалованная грамота, данная городу Риге «в подтверждение прежних всех его городских прав, статуты, судов, чинов, вольностей, древних обычаев, преимуществ и владения наследственными маестностями на том же основании, как оные издревле от разных государей содержаны были».

Завершающим «аккордом» явилось включение в Ништадтский мирный договор п. 9, подтверждавшего, что «все жители провинций Лифляндской и Эстляндской ... под свейским правлением имевших привилегиях, обыкновениях, правах и справедливостях постоянно и непоколебимо содержаны, и защищены будут».

Таким образом, решения, принятые Петром I, обнаружили очевидную преемственность с его предшественниками на московском престоле: сохранение заместным населением, в особенности заправляющим сословием (шляхетством и земством), прежних прав и привилегий обеспечивалось признанием подданства новому правителю, а со стороны местного дворянства – и принятием обязательства государственной службы (прежде всего военной). Иначе говоря, воспроизводился принцип служебной зависимости от государства, действовавший в отношении русского дворянства.

Данными законодательными актами верховной российской власти были установлены первоначальные границы компромисса, предназначенного обеспечить политическую лояльность жителей новой российской территории. Де-факто Лифляндии и Эстляндии был предоставлен автономный статус, предусматривавший, в том числе сохранение прежде действовавшего права. В результате в пределах общероссийского правового пространства возник новый сегмент партикулярного права, охватывавший – в силу сохранения на новой российской территории прежних административных и судебных порядков – не только гражданское, но в значительной мере и публичное право.

Правда, следует отметить, что, хотя в последующем законодательстве при подтверждении прав и привилегий местного населения употреблялись наименования «княжество Лифляндское» и «княжество Эстляндское», но с 1713 г. в составе России официально находились Рижская и Ревельская губернии, возглавляемые назначаемыми императором губернаторами (генерал-губернаторами) [10, С. 62]. Новые территории в этом отношении оказались включены в губернскую реформу Петра I 1708 года, местная администрация подчинялась назначаемым сверху губернаторам, но функционировала на основании

своего старого законодательства. На основе прежнего городского права функционировало и городское самоуправление (Рига, Ревель, Нарва, Пернов, Дерпт).

Следовательно, будучи административно включены в общую государственную систему, Рижская и Ревельская губернии сохраняли внутреннее устройство и законодательство, унаследованные от их дороссийского прошлого, кардинально отличаясь в этом отношении от других российских губерний. Такое положение оставалось неизменным вплоть до губернской и городской реформ Екатерины II.

Список литературы:

- [1] Полное собрание законов Российской Империи с 1649 года. Т. VI. № 3840. СПб., 1830. 818 с.
- [2] История Европы: в 8 т. Т. 4. Европа нового времени (XVII–XVIII века). М.: Наука, 1994. 509 с.
- [3] Успенский Б.А. Царь и император: Помазание на царство и семантика монарших титулов. М.: Языки русской культуры, 2000. 140 с.
- [4] Мак-Нил У. В погоне за мощью. Технология, вооруженная сила и общество в XI–XX веках. М.: Изд. дом «Территория будущего», 2008. 456 с.
- [5] Каспэ С.И. Империя и модернизация: Общая модель и российская специфика. М., 2001. 253 с.
- [6] Полное собрание законов Российской Империи с 1649 года. Т. VI. № 3819. СПб., 1830. 818 с.
- [7] Федоров А. Ф. Введение в курс гражданского права Прибалтийских губерний. Одесса, 1898. 80 с.
- [8] Нольде А.Э. Очерки по истории кодификации местных гражданских законов при графе Сперанском. Вып. II. С. 21.
- [9] Полное собрание законов Российской Империи с 1649 года. Т. IV. № 2299. СПб., 1830. 818 с.
- [10] Полное собрание законов Российской Империи с 1649 года. Т. V. № 2723. СПб., 1830. 781 с.

References:

- [1] Complete collection of laws of the Russian Empire since 1649. VOL. VI. NO. 3840. St. Petersburg, 1830. 818 pp.
- [2] History of Europe: in 8, vol. 4. Europe of modern times (XVII–XVIII centuries). M.: Science, 1994. 509 pp.
- [3] Assumption B.A. King and Emperor: Anointing the Kingdom and the Semantics of Royal Titles. M.: Languages of Russian culture, 2000. 140

s.

[4] MacNeil W. Chasing power. Technology, armed forces and society in the 11th-20th centuries. M.: Ed. House "Territory of the Future," 2008. 456 pp.

[5] Caspe S.I. Empire and modernization: General model and Russian specifics. M., 2001. 253 pp.

[6] Complete collection of laws of the Russian Empire since 1649. VOL. VI. NO. 3819. St. Petersburg, 1830. 818 pp.

[7] Fedorov A.F. Introduction to the course of

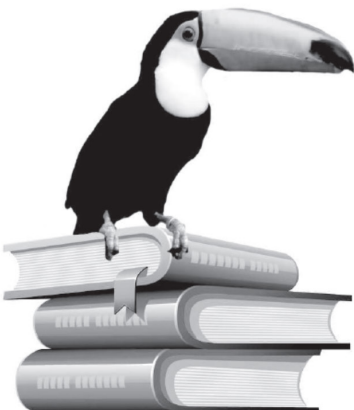
civil law of the Baltic provinces. Odessa, 1898. 80 s.

[8] Nolde A.E. Essays on the history of the codification of local civil laws under Count Speransky. No. II. P. 21.

[9] Complete collection of laws of the Russian Empire since 1649. T. IV. NO. 2299. St. Petersburg, 1830. 818 pp.

[10] Complete collection of laws of the Russian Empire since 1649. T. V. NO. 2723. St. Petersburg, 1830. 781 p.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.